

Мария Голобокова

• ∞ ∞ ∞ •

ДРАКОНИЙ ЖРЕБИЙ

Юг и Север

RUGRAM

Москва

2025

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г61

Голобокова, М.

Г61 Драконий жребий. Юг и Север / М. Голобокова. — М. : RUGRAM, 2025. — 348 с. — (Драконий жребий).

ISBN 978-5-517-13435-6

Когда попадаешь в чужой мир, ожидаешь услышать о своей избранности или великом долге. В крайнем случае понимаешь, как применить знания, чтобы устроиться на новом месте. Но что делать, если в другом мире оказываешься по ошибке?

Для хранителей магии — или как они себя ещё величают — я лишь головная боль. Незваная гостья, за которой надо следить, чтобы не нарушила и без того шаткое равновесие. Шага нельзя ступить без сопровождения!

Кто-то обещает безбедную жизнь — знай только, сиди спокойно да не возражай. Кто-то хочет вернуть домой, чтобы, не дай Грань, не случилось непоправимого.

Но есть и третий путь: отыскать и вызволить из темницы всеобщего врага — великого чародея, от одного имени которого дрожат сильные мира сего. Выбор вроде бы очевидный.

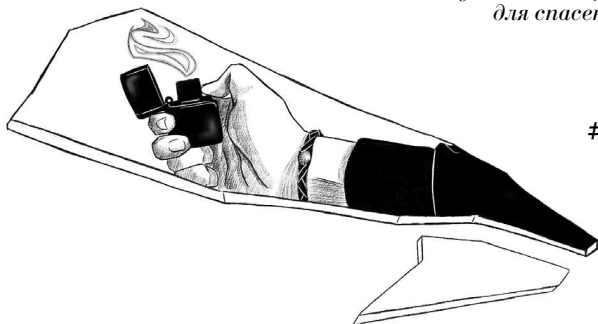
BIC FM
BISAC FIC009000

© Мария Голобокова, текст, 2025
© Юлия Аверина, художник обложки, 2025
© Полина Сульдина, художник внутреннего оформления, 2025
© Полина Евдокимова, художник внутреннего оформления, 2025
© RUGRAM, 2025
© Т8 Издательские технологии, оформление, 2025

ISBN 978-5-517-13435-6

*Она сотню лет одна в башне высокой
томится — таков жанр и таков закон.
Но не нужны для охраны зверь,
для спасенья рыцарь.
Принцесса
сама
Дракон.*

#ГрафЭст

ПРОЛОГ

Всегда знала, что гордость и импульсивность однажды меня погубят. Дражайшая маменька не уставала пилить меня за излишнюю робость, называла малодушной и трусливой. Подливала в чашу терпения, которую стоило бы сравнить с ванной, целые вёдра. Я стойчески выдерживала любые нападки, напоминала себе, как люблю маму и насколько благодарна ей, но никакого понимания уже не хватало.

Какая же сцена вырисовывалась перед титрами киноленты под названием «Сбежавшая неблагодарная дочь»?

Богом забытая железнодорожная станция — это раз. Очутилась я здесь по дурацкому стечению обстоятельств и дурацкой же ошибке. Налички нет, карта — неизвестно где, а заряда на телефоне жалких пять процентов. Пришлось ехать зайцем, бегать от контролёров в надежде, что пронесёт. Не пронесло — ещё мягко сказано, потому

что электрички останавливались здесь раза три в день, если верить расписанию, и все в первой половине дня. Куковать на задворках вселенной — так себе досуг, но иного не предвиделось следующие двенадцать часов. За прошедшие шесть я успела не только проголодаться, но и поустраиваться.

Почти развалившийся чемодан — два. Собирая его впопыхах, я не слишком заботилась о молнии, дёргала со всей дури, а хлипкая ручка и до этого держалась на соплях. Какие там вещи внутри, можно только гадать — в спешке бросала всё подряд. Не удивлюсь, если прихватила лампу с прикроватной тумбочки или горшок с кактусом. Впрочем, хорошее всё-таки было: пачка сигарет пряталась глубоко внутри рюкзака, чтоб не запылились, а зажигалка ещё щёлкала... да щёлкай же ты, дура такая!..

Три — это то, что в руках телефон с огромным списком контактов, пусть и на последнем издыхании. Звони — не хочу. Да хоть напиши! Но беда в том, что я *не хочу*. Ведь придётся *просить* выручить. Спаси. Друзья, конечно, ринутся на помощь... и как же от этого тошно!

От себя тошно.

Я уже не понимала, куда рвалась и спешила, — четыре. Думала, доеду до бабушки, с улыбкой вывалю ей, как соскучилась, как хочу помочь с огородом, попариться в баньке, покупаться в речке. Наврала бы про отгул, про сорвавшуюся практику, а что глаза такие опухшие... так это аллергия, бабушка. Она, треклятая такая, а вовсе не слёзы. Ни с кем я не ругалась!

И ведь не соврала бы. Потому что с мамой и правда не ругалась. Просто нечаянно услышала телефонный

разговор. Уж лучше бы задержалась после учёбы или согласилась пойти в бар с девчонками, чем в очередной раз слышать, как хвалятся всеми детьми, кроме меня. Сейчас, успокоившись, я понимала, насколько это глупая причина для резкого побега и тихой истерики, но тогда, наверное, это стало последней каплей в чёртовой ванне терпения.

Пятым неприятным фактором можно назвать странно-го типа, что паялился на меня с другого конца ряда сидений. Потёртая кожаная куртка, глубокий капюшон толстовки, драные джинсы, нервное дёрганье ногой. И либо ему тоже не повезло, как и мне, либо...

Думать о другом варианте не хотелось.

Что он паялился именно на меня — чувствовала кожей. Чужое внимание всегда впивалось россыпью мелких игл, и как бы ни хотелось списать это на излишнюю мнительность или тревожность, в таком я ещё ни разу не ошибалась.

Телефон в руках внезапно ожил, и на экране высветилась мамина фотография. Не звонок — просто сообщение. Отвечать не хотелось, но, если не сделать этого сейчас, она ж обязательно поднимет на уши всех вокруг, и не миновать потом бесконечных обвинений и упрёков.

Изнутри вырвался истеричный смешок. Мама написала, только чтобы выяснить, почему я не предупредила её, что буду ночевать не дома. Нет, уходя, надо было всё-таки посильнее хлопнуть дверью, чтоб аж косяк треснул.

Вынув сигарету из пачки, я заозиралась. С одной стороны, курить в помещении некрасиво, но выходить и тащить разваливающийся чемодан с собой необязательно — всё равно не жалко, если странный тип украдёт вещи. С другой — зрителя на станции нет, и кто мне помешает?..

Полыхнула молния, от порыва ветра задребезжали окна в деревянных рамах, державшиеся чудом — не иначе. Я вздохнула, убрала телефон в сумку и всё-таки решила выйти на улицу. Свежий воздух не помешает, да и вдруг подозрительный парень по несчастливому стечению обстоятельств окажется не заядлым тусовщиком с отсутствием моральных устоев, а ярым противником табачных изделий. Начнёт ещё гундосить: мол, какого хрена в помещении...

Я вздрогнула вновь, когда заметила этого типа, ещё секунду назад сидевшего далеко-далеко, прямо перед собой.

— Огоньку? — белозубо оскалился он.

Ишь как понтуется, что зубы у него красивые все, ровные. Уж не виниры ли часом?

Волосы — рыжие, чуть влажные, прилипшие ко лбу. Глаза какие-то странные, неестественно синие, яркие. Линзы, что ли? И откуда он такой, весь из себя модный? Из какого клуба сбежал, да ещё в такую глушь? Хотя какие здесь клубы, скорее деревенская дискотека. Может, наркоман, а тут — закладки? А я небось мешаю искать.

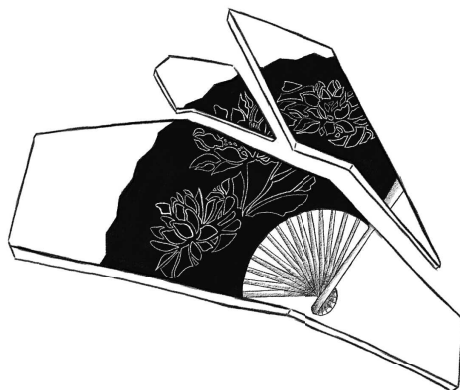
— Вот, зажигалка, — пробормотала я и пихнула ему. — Только она не с первого раза...

— Нет, я тебе предлагаю, — улыбнулся он. — Огоньку.

На кончике его пальца заплесало синее пламя. Хах, даже если он крутой фокусник, подкат всё равно так себе.

Это было последним, о чём я успела подумать, прежде чем в глазах потемнело.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

В КОТОРОЙ ПРОИСХОДИТ ДЕЙСТВЕННОЕ УБЕЖДЕНИЕ

Мягко пружинящая кровать не скрипела. Моему сонному мозгу это не показалось странным — слишком приятно нежиться под тёплым одеялом и обнимать огромную подушку, не думая ни о чём.

Вчера, кажется, день не задался. Но раз уж я добралась до бабушки, всё должно пойти на лад, поэтому нечего забивать голову дурными мыслями. Пожалуюсь на маму, поплачусь о том, что старший сын, конечно, ходит у неё в любимчиках, потому что о нём можно подружкам рассказывать: всего добился сам, живёт в Германии... Да и средний — тоже солнышко и мамина радость, докторскую скоро защитит. А что единственная дочь с ней осталась жить и её кредиты закрывать — это абсолютно обычная ситуация. Не требующая никакой благодарности и внимания.

Я проглотила обиду и постаралась не думать о том, что вернуться придётся. Может, ну её, практику в городском лагере? И учёбу тоже ну. Переехать сюда насовсем, стать продавщицей в зоомагазине. Тётя Света как раз приглашала в прошлый раз. Кроликов буду гладить, хомякам не давать плодиться, обсуждать Нинку с пятого района, по выходным — на дачу и к речке, а зимой на лыжах ходить. Ещё и бабушка рядом. Это ли не счастье?

Перекатившись на другой бок, попыталась коснуться ковра на стене. Давний утренний ритуал, если можно так назвать. Не раз замечала, что, если не делаю этого, весь день идёт коту под хвост. Нельзя без него обойтись и сейчас.

Но рука провалилась в пустоту. Неужели легла головой не в ту сторону, и ковёр в другом месте? Или?..

Пришлось выпутываться из одеяла и продирать глаза, чтобы разрешить тайну исчезнувшей стены, а вместе с ней, стало быть, и ковра.

Ласковый свет раннего утра заливал зал. Огромный — как два или даже три актовых в той школе, где был организован городской лагерь. Потолки определённо были выше, так ещё и полотна воздушные развешаны, хитро переплетаясь между собой и скрывая выкрашенный голубым свод. Все стены в деревянных панелях, а пол — в мраморной мозаике, будто пруд с кувшинками, среди которых плавают карпы. Арочные окна скрывались за полупрозрачными занавесками и за ними удалось различить безоблачное небо.

Это... что? Это где? Меня похитили?!

Поборов панику и порыв забиться в угол, я осторожно спустила ноги на пол, заодно оглядывая халат, в который меня кто-то переодел. Ткани не пожалели! В него можно

было бы завернуть три меня, так ещё и рукава словно крылья: объёмные, длинные и дико неудобные. И как ходить?

Так. Успокойся, родная. Что тут можно предположить? Похитили и продали в рабство? Какому-нибудь арабскому шейху, ага. Только кому я сдалась, даже если меня посчитали невообразимо красивой? И разве не должны были, ну, приставить охрану? Прислугу? На цепь посадить? Откуда столько доверия и свободы? А вдруг я, осознав положение, пойду и из окна выброшусь? Или что-нибудь острое найду. Или...

Нет, надо что-то думать. И делать. Не стоять на месте, не паниковать.

Не паниковать, я сказала!..

Чтобы успокоиться, обняла себя за плечи и медленно отошла от кровати — поистине царской: можно было хоть десяток человек вольготно расположить, так ещё и места останется, чтобы каждому ворочаться и пинаться во сне и не задевать никого. Что тут ещё есть? Стол по центру, заставленный блюдами с фруктами и распахнутыми шка тулками с украшениями — красотостей много, может, повезёт какую-нибудь шпильку найти. В уголке примостились низенькие диванчики, но там точно делать было нечего.

Сначала, наверное, стоило всё-таки понять, где я. И не скрежетать зубами от напряжения, а то челюсть сведёт. Вдох через нос, выдох через рот, мысленный счёт до десяти и обратно — островок спокойствия...

Ничего страшного же пока не случилось? Ну, кроме того, что я — тут, а не у бабушки. И не дома. Определённо не дома.

За арками спряталась то ли лоджия, то ли балкон. Поколебавшись несколько долгих секунд, я засемила туда, чтобы увидеть хоть что-то, кроме неба. В лицо ударил жаркий сухой ветер, а от яркого солнца пришлось сощуриться и приложить ладонь ко лбу. Сначала в поле зрения бросился горный массив, перекрывающий горизонт, — тёмный, сине-серый, словно грозовые тучи, он дрожал в знойном мареве, тянувшемся от раскалённых песков. Потом я увидела хитрое переплетение зданий из песчаника и глины, веером расходящееся от того места, где я оказалась. Ни одной прямой улочки, зато — много-много зелени, будто и не пустыня кругом.

Пора петь про арабскую ночь и волшебный восток, чары и месть? И раз уж я во дворце, где мой тигр или кто там был у принцессы в мультике?

Нервно усмехнулась и выдохнула. Надо всё-таки порыться на столе и найти какую-нибудь шпильку. Ну или просто что-то тяжёлое, чем по голове ударить можно.

— Доброе утро, — слышалось сбоку, отчего я дёрнулась вперёд и схватилась за парапет.

В самом углу балкона — или всё-таки лоджии, чем они там отличались? — притаился навес, под которым стояла массивная мраморная скамья. На ней и сидел обладатель весьма мелодичного голоса, говоривший по-русски без акцента. Зелёный халат отличался от моего — он был многослойным, а рукава не такими необъятными и к тому же подвязанными для верности на запястьях. Жёсткие чёрные волосы слегка топорщились, а от затылка спускался тонкий хвостик, похожий на крысиный, что вызвало у меня новый нервный смешок.

